

представлены 195 компаний и 1105 отчетов, в том числе 391 отчет по устойчивому развитию, 368 социальных отчетов и 95 экологических отчетов. Кроме того, представлен 251 интегрированный отчет [3]. Таким образом, можно утверждать, что количество компаний, составляющих нефинансовую отчетность, растет.

В мире, по данным на 2018 год, зарегистрировано 16 403 компании, которые опубликовали 98 854 нефинансовых отчета [4, с. 45]. При этом, если в 2007 году основную часть отчетов составляли европейские и североамериканские компании, то к 2017 году в этот процесс активно включились азиатские субъекты. Лидерами по количеству участвующих в составлении нефинансовой отчетности компаний являются США, Великобритания и Германия. Россия находится на 20 месте из 27 стран. По количеству отчетов также лидируют США, Великобритания и Япония.

Для повышения прозрачности деятельности компаний Всемирный совет деловых кругов по вопросам устойчивого развития предложил создать механизм обмена информацией об отчетности — The Reporting Exchange. Эта инициатива получила поддержку более чем 60 стран. В 2019 году к ним присоединилась и Россия в лице Московской фондовой биржи, пополнившей свой перечень фондовых индексов индексами совместно с РСПП «Ответственность и открытость» и «Вектор устойчивого развития».

Лидерами индексов РСПП являются компании сырьевого сектора экономики России — нефтегазовый, энергетический — ПАО «Газпром», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «НОВАТЭК», ПАО «РусГидро», ГК «Росатом».

Европейский союз по вопросам нефинансовой отчетности постоянно развивается. В 2018 году составление отчетности в соответствии с Директивой Европейского союза по нефинансовой отчетности стало обязательным. В России предоставление нефинансовой отчетности является еще пока добровольным.

Заключение. По мере восприятия российскими компаниями концепции устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности, внедрения государственного регулирования нефинансовой отчетности, количество компаний и нефинансовых отчетов должны расширяться.

Список цитируемых источников

1. Алексеева, И. В. Корпоративная социальная отчетность в условиях устойчивого развития экономики / И. В. Алексеева, Р. Г. Осипова // Междунар. бухгалт. учет. — 2015. — № 41 (383). — С. 32—41.
2. Коровина, Л. Н. Тенденции социальной ответственности российского бизнеса : состояние и проблемы (часть 2) / Л. Н. Коровина // Соц.-экон. явления и процессы. — 2015. — Т. 10. — № 9. — С. 87—92.
3. Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rspp.ru/>. — Дата доступа: 05.10.2020.
4. Нефинансовая отчетность в России и мире: цели устойчивого развития — в фокусе внимания. Аналитический обзор за 2017—2018 гг. / Е. Н. Феоктистова [и др.]. — М. : РСПП, 2019. — 104 с.

УДК 343.2/.7

Е. А. Леоненя

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗБОЯ И БАНДИТИЗМА

Введение. Несмотря на длительную историю существования уголовной ответственности, проблемы квалификации общественно опасных деяний существуют и на настоящий момент. В теории уголовного права и в практике давно ставится вопрос о совокупности бандитизма с разбойным нападением. Если отграничению разбоя от грабежа в научной литературе уделяется большое внимание, то вопрос разграничения разбоя и бандитизма недостаточно изучен. Данные составы имеют ряд сходных и различных признаков.

Основная часть. Признаки и свойства бандитизма и разбоя закреплены в ст. 207 и ст. 286 гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь). Более того, законодатель прямо определяет банду как вооруженную организованную группу, но не как преступное сообщество, с целью нападения на предприятия, учреждения, организации или на граждан [1, ст. 207]. Видовое отличие банды от остальных преступных объединений состоит в ее вооруженности и специфической цели создания. Глава 24 УК Республики Беларусь «Преступления против собственности» определяет разбой как применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом [1].

Следует заметить, что теоретически смешение данных преступлений невозможно, поскольку они посягают на разные объекты. На практике же возникает немало проблем.

Приведем пример преступления, где стирается грань между разбоем и бандитизмом, где невозможно разграничить банду и вооруженную организованную группу, совершающие разбойные нападения. Совершая разбойные нападения на квартиры, Б. и братья А. применяли насилие (связывали руки и ноги потерпевших,

душили, угрожали убийством). По одному из эпизодов разбойного нападения потерпевшая показала, что, требуя у нее деньги и ценности, обвиняемые приставили ей к горлу предмет, который она приняла за нож. Сторона обвинения вменяла Б. и братьям А. совершение преступлений в составе банды. Суд признал обвиняемых виновными в совершении разбоя и краж в составе организованной группы, а за бандитизм оправдал за отсутствием состава преступления. При этом суд указал, что ни в ходе предварительного расследования, ни в судебном заседании не добыто достоверных доказательств наличия в группе оружия [2, с. 89].

Можно согласиться с позицией В. В. Хилюты, который отмечает, что для бандитизма характерны следующие признаки: вооруженность, специальная цель, которая отражает специфический способ осуществления преступной деятельности, заключающийся в нападении на предприятия, учреждения, организации или на граждан. Он указывает на то, что именно признак вооруженности позволяет отграничить бандитизм от иных форм соучастия в преступлении, но одновременно этот признак придает подобность бандитизму с разбойным нападением, которое совершено вооруженной организованной преступной группой [3, с. 42—43].

Совершение разбойного нападения устойчивой вооруженной группой можно считать одной из форм бандитизма. Отличие разбоя от бандитизма заключается в разности объектов преступного посягательства, использованию оружия при разбойном нападении и наличии корыстной преступной цели (в то время как при бандитизме целью является нападение на граждан или организации), а банда относится к разновидности преступного сообщества.

В настоящее время можно с уверенностью заявить, что разграничить разбой, совершенный неоднократно организованной группой с применением оружия, и бандитизм не представляется возможным. Основная проблема заключается в том, что и организованная группа при разбое, и банда отличаются признаком устойчивости, а также и разбой, и бандитизм — преступления, связанные с нападением как внезапным для потерпевшего агрессивным, насильственным воздействием. При совпадении указанных квалифицирующих признаков при совершении разбоя неизбежно в следственной и судебной практике возникают существенные проблемы разграничения.

Как верно отмечает О. Попова, бандитизм требует наличия у членов банды оружия в узком смысле, т. е. предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а при разбое признак вооруженности могут образовывать предметы, используемые в качестве оружия, т. е. предметы хозяйственно-бытового или иного назначения. Кроме того, при разбое может быть использована имитация оружия. Состав разбоя может образовывать нападение с применением негодного оружия, тогда как состав бандитизма не может образовывать нападение с непригодным для применения оружием. Важно, что бандитизм требует наличия у членов банды оружия, а при разбое необходимо фактическое применение оружия, а не только его наличие [4, с. 289—290].

Фактически судебная практика даже не пытается разграничить данные преступления, а использует объективные и субъективные признаки данных составов как взаимозаменяемые, отмечая их сходство. Попытку разграничения бандитизма и разбойного нападения предпринимал А. Н. Мондохонов. По его мнению, в бандитизме и разбойном нападении, совершенном организованной преступной группой, законодатель «по-разному расставил акценты». В частности, если в ст. 286 УК Республики Беларусь основной акцент сделан в первую очередь на нападение как действие, то в ст. 207 УК Республики Беларусь внимание правоприменителя акцентируется на повышенной общественной опасности действий по созданию организованного преступного формирования — банды.

Можно заметить и различие в моменте окончания рассматриваемых посягательств. Бандитизм признается оконченным с момента создания банды, тогда как разбой окончен с момента начала нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Но эти особенности составов не вносят ясности на практике, так как момент окончания преступления — это волевое решение законодателя, и оно не всегда совпадает с реальным завершением преступного поведения [5, с. 48—49].

Выходит, что нет ни одного признака, позволяющего бесспорно и однозначно разграничить бандитизм и разбой. Попытки же обосновать, что организованность банды имеет «более высокий уровень», чем в организованной группе, совершающей разбойные нападения, крайне неудачны.

Г. А. Кригер указывал, что разбой посягает на личную собственность и личность, а бандитизм посягает на основы государственного управления и общественной безопасности, однако четкого критерия этого «перерождения» объекта до сих пор не существует, а общественная безопасность больше похожа на общий объект охраны преступного посягательства, который уже включает в себя все возможные объекты [6, с. 74].

Заключение. Интересно, что в следственной практике для дополнительной аргументации существования банды используют именно конкретные разбойные нападения. Таким образом, целесообразно сделать вывод о том, что существующая ныне норма о бандитизме не позволяет четко отграничить бандитизм от смежных составов, в том числе от разбоя. Считаем, что отграничение состава разбоя от бандитизма имеет важное теоретическое и практическое значение, так как разбой по белорусскому законодательству относится к одной из самых опасных форм хищения, поскольку имеет два непосредственных объекта посягательства — собственность и одновременно жизнь или здоровье человека, а от правильной квалификации данных преступлений напрямую зависит правильность назначения наказания виновному лицу.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
2. Хилота, В. В. Разграничение разбоя и бандитизма / В. В. Хилота // Посткризисное развитие современного общества: взгляд в будущее (экономические, социальные, философские, правовые аспекты). — И : ИЦ «Наука», 2011. — 192 с.
3. Хилота, В. В. Как разграничить разбой и бандитизм / В. В. Хилота // Законность. — 2012. — № 3. — С. 42—43.
4. Ермолаев, А. В. Разграничение разбоя и бандитизма / А. В. Ермолаев, А. А. Афанасьева. — 2019. — № 25 (263). — С. 289—291.
5. Лисенкова, Н. А. Отграничение бандитизма от разбоя: проблемы квалификации / Н. А. Лисенкова // Юрид. науки. — 2019. — № 3 (37). — С. 48—49.
6. Кригер, Г. Л. Ответственность за разбой / Г. Л. Кригер. — М. : Юрид. лит., 1968. — 104 с.

УДК 336.22

А. Ф. Мялкина, В. М. Трегубова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация

К ВОПРОСУ ПРОФИЛАКТИКИ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ АРЕНДЫ

Введение. В ходе своей предпринимательской деятельности организация может столкнуться с налоговыми рисками, связанными с введением новых налогов, повышением действующих или изменяющих правил налогообложения, с риском налоговой проверки, налоговых доначислений и другого. Успех в коммерческой деятельности во многом зависит от правильности выбранной стратегии и учета вероятности непредвиденных ситуаций. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, касающиеся методов регулирования рисков в налоговых отношениях, минимизации налоговых рисков при заключении договоров аренды. Даются рекомендации по применению методов, способов и мероприятий, позволяющих в определенной степени прогнозировать наступление рисков событий при заключении договоров аренды и принимать меры к исключению или снижению отрицательных их последствий

Основная часть. Особое место в системе предпринимательских рисков занимают налоговые риски, которые связаны с возможностью невыполнения хозяйствующим субъектом своих налоговых обязательств. Умение оценить степень рисков и управлять ими является одной из главных задач, стоящих перед хозяйствующим субъектом. Профессиональный подход к управлению налоговыми рисками требует глубоких знаний не только в области налогового, административного и уголовного права, но и гражданского права, анализа хозяйственной деятельности предприятия и много другого.

Хозяйствующие субъекты, как правило, стремятся, с одной стороны, максимально сократить свои налоговые платежи, высвободив тем самым оборотные средства, которые могут быть реинвестированы в дальнейшее развитие компании, а с другой — действовать строго в соответствии налоговым законодательством и не привлекать излишнего внимания налоговых и правоохранительных органов. В связи с этим налоговый менеджмент, управление налоговыми рисками и их минимизация, безусловно, являются одними из важнейших приоритетов в деятельности государства и хозяйствующих субъектов [1].

Существенные налоговые риски и финансовые потери могут возникнуть у организации в рамках заключения договоров аренды (переформирование договоров и изменение их содержания после их исполнения, заключение фиктивных договоров и др.). Правильно сформулированные условия в договорах могут избавить организацию от «неприятных сюрпризов» во время налоговых проверок. Прежде чем подписывать договор, следует убедиться в том, на кого возлагаются расходы, не противоречащие законам. Так, к примеру, некоторые расходы по умолчанию несет конкретная сторона, но на практике случается и так, что по нормам закона их несет какая-либо из сторон. В то же время возложить расходы на другую сторону не запрещается, поскольку в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) содержится приписка «если иное не предусмотрено договором» [2].

Приведем несколько примеров по отражению расходов, связанных с арендой недвижимости и транспортных средств в коммерческих организациях, применяющих общую систему налогообложения. Статьей 616 ГК РФ установлено, что по договору аренды недвижимости расходы на капитальный ремонт по умолчанию несет арендодатель. Если затраты на капитальный ремонт фактически накладываются на арендатора и в договоре эти условия не прописаны, то у обеих сторон возникнут налоговые риски. При проверке у арендодателя образуются внереализационные доходы и доначисляется налог на прибыль, а у арендатора умень-